

тие, не 10 соколов на стадо лебедей пушаше, нъ своя вещья прѣсты на живая струны въскладаше...» и т. д. Какие бы ни приводились исследователями указания на то, что здесь налицо характерное и для фольклора явление отрицательного параллелизма, что и в фольклоре распространены образы «сокола» и «лебедя», а в литературе встречается образ поющего Давида («Глаголаше Давид.. накладыа многоочитая персты на живая струны...» — «Слово о воскресении Лазаря»), все это не может в достаточной мере объяснить поэтику данных и им подобных, своеобразных и, если угодно, «изысканных» по своему тонкому литературному мастерству образов «Слова». Такое произведение, как «Слово», не могло возникнуть просто путем талантливое соединения элементов фольклора и «устной речи», при отталкивании от старых книжных традиций. Оно не могло возникнуть вне большой и высокой литературной культуры (образцы которой, кроме «Слова», почти не сохранились), вне своеобразной русской, уже устоявшейся традиции писательского мастерства. Трудно поэтому полностью разделить мнение Д. С. Лихачева, что «вся система художественных средств «Слова» находится в самой тесной связи с художественными средствами устной народной поэзии и теми образами, которые насыщали собой и обыденную, деловую русскую речь XII в.» (стр. 136). То же самое можно сказать об утверждении автора, что образы «Слова» лишены «литературной изысканности» (стр. 104), отличаются ко всем «понятностью и доступностью» (стр. 136) широким кругам его современников. Мы охотнее присоединились бы в этом отношении к одной из предшествующих работ Д. С. Лихачева, в которой он верно характеризовал «Слово» как произведение исключительное и для своего времени, не отрицающая наличия в нем наряду с народными началами и «утонченной книжности»<sup>6</sup>. Но, разумеется, изучение поэтики «Слова» в целом принадлежит еще будущему нашей науки, и отсутствие полной картины в этом случае в научно-популярном «Очерке» никак не может быть поставлено в вину его автору.

Недостаточность освещения собственно литературных черт «Слова» сказалась и в том, что в «Очерке» почти не разобрана композиция памятника, хотя в научной литературе она, как известно, была предметом специальных исследований. Поэтому, когда Д. С. Лихачев говорит: «Из всех частей «Слова» его первая часть, — там, где автор колеблется в выборе своей манеры, — ближе всего стоит к книжной традиции», и далее: «Вторая часть «Слова» почти лишена элементов книжности» (стр. 143—144), то у читателя — не специалиста не создается вполне ясного представления, о каких «частях» «Слова» здесь идет речь и сколько этих «частей». Повидимому, «частей» — две, но с другой стороны, в предшествующем изложении говорилось еще о «заключительной части» (стр. 101). Характеристику композиции памятника лучше всего было бы сделать попутно с изложением его содержания, не выделяя этого вопроса в особый раздел «Очерка».

Исходя из собственно литературных основ «Слова», желательно было бы также уточнить представление о жанре памятника, определение которого в «Очерке» колеблется между «речью» и «песней»: «Если это речь, то она близка к песне. Если это песня, то она близка к речи» (стр. 105). В этом отношении было бы интересно напомнить об одном высказывании Д. С. Лихачева, сделанном им в другой работе: «Подобно многим гениальным произведениям, Слово о полку Игореве выходит за пределы жанровых традиций своего времени, как выходят, например, за их пределы «Евгений Онегин», «Мертвые души», «Война и Мир»<sup>7</sup>.

Отмеченные недочеты носят, в сущности, второстепенный характер. Они не умаляют очевидных достоинств «Очерка» и легко устранимы при его переиздании. По нашему убеждению, книга Д. С. Лихачева принадлежит к числу самых удачных и лучших научно-популярных работ о «Слове». Она правильно освещает это драгоценное произведение в методологическом отношении и основывается на обширных исторических знаниях и самостоятельных историко-литературных исследованиях ее автора. Добавим к этому, что «Очерк» написан живо и увлекательно. Он хорошо иллюстрирован фотографиями образцов древнерусской архитектуры, живописи и ремесла. Книга Д. С. Лихачева, несомненно, может быть рекомендована и учащейся молодежи, и широким кругам советских читателей.

А. Н. Робинсон

Г. А. Бялый, В. Г. Короленко, Гослитиздат, М.—Л., 1949, 371 стр.

Появление книги Г. А. Бялого — несомненно событие в изучении творчества В. Г. Короленко.

<sup>6</sup> См. Д. С. Лихачев, Слово о полку Игореве (вступительная статья к изданию «Слова»: «Библиотека поэта», малая серия, второе издание, Л., 1949, стр. 12, 41, 43).

<sup>7</sup> См. указанное издание «Библиотека поэта», стр. 27.